

Мастерская

Клуб творческой молодежи в «Амурском комсомольце»

• Выпуск №1 (14)

Явись мой Мастер,
который прост и
суров,
с ликом в смоле и
копоти,
Мастер из мастеров...
Я буду глотать кости,
Трапезу деля.
Явись, мой Мастер,
Внутри самого меня.

Это написал юный человек, которому двадцатипятилетние казались несправимыми стариками — вот как далеко ему было до 25.

А Землянов... В двадцать пять лет Саша Землянов отслужил в армии и закончил в Майкопе деревообрабатывающий техникум. Здесь он встретил Нину Семеновну Колосову, преподавателя литературы. Настолько одержимую искусством, что порой администрации приходилось разумно ограничивать ее вдохновение: «Простите великодушно, но у нас не литературный и не театральный техникум. У нас деревообрабатывающий».

В душе — миллион сомнений: «Мог отказаться, но что-то потянуло в кружок. Только ли обаяние Нины Семеновны сыграло роль? А если бы не встретил Колосову? Так бы и прожил, не имея понятия о театре и не мучаясь особыми угрызениями совести? Но ведь встретил же, и именно мне она советует не бросать...».

После окончания техникума с согласия администрации Землянова распределили... заведующим постановочной частью народного театра при Дворце культуры деревообрабатывающего комбината. Вот так, по-деловому использовали молодого специалиста. Дворец культуры — тоже ведь своего рода производственный цех комбината. И снова встреча с увлеченным человеком. Как бережно «ставил голос» Землянову директор Дворца культуры Казбек Турков!

— Вы помните первого учителя? — спросили однажды у человека. — «Помню», — ответил человек и задумался. И, наверное, уже не слышал последующее: «Тогда вам здорово повезло в жизни. Просто человеку это было ясно и без слов. Главное — чтоб появился в вашей жизни Первый учитель. И как можно раньше. Ведь с возрастом, определяясь и выкристаллизовываясь в жизни, мы сознательно забываем о многом из того, что дано было нам от природы авансом. Счастлива человек, который может сказать не лицемеря: «Если снова начать, я бы остался верен своему призванию. «Явись, мой мастер, внутри самого меня...».

Однажды Саша гостил у родных в Ленинграде. Каждый день неизменно появлялся перед театральным институтом и все не решался переступить порог. Дверь, которую открывали другие, Саше не поддавалась. А потом было возвращение домой. Но без привычных для такой романтической ситуации грусти и печали. С твердым намерением — начать-таки все с абсолютного нуля.

Тогда в Воронеже при участии старейших советских педагогов сцены Б. Г. Кульнева и О. И. Старостиной открылся институт искусства. Шел первый набор на отделение: актер театра и кино. Это было как раз то, что нужно: начинать с нуля в необжитых стенах.

Учебными ролями в институте у Землянова были персонажи Володина и Шукшина. Прозинциальные чудачки со стойким иммунитетом к обыденности и пошлости, чудачки, без которых просто неуютно было бы на этом свете. Играл он и в сценах Вампилова. В вампиловской прозинции, которая своей тягучей скукой и пустотой обесценивает любые порывы души, опошляет даже драматические ситуации.

• Портреты «Мастерской»

ПЕРЕСТУПИ ПОРОГ



«Помните, — говорит Саша. — Легендарный царь Мидас своими прикосновениями превращал все в золото. Куда бы ни простирались шупальцы вампиловской провинции, все превращалось не в золото, а в нечто противоположное».

В дипломном спектакле «Смерть Тарелкина» по пьесе А. В. Сухово-Кобылина Землянов снова сыграл острохарактерную роль — частного пристава. В фантазмагорической драматургии Сухово-Кобылина сильно гоголевское влияние. Шутство кобылинских персонажей сродни шутству гоголевских, когда уже сам начинаешь верить в свою ложь и притворство, но приближение конца — развенчание шутства — принимаешь спокойно, как должное. Перед Сашей стояла сложная задача. Роль частного пристава не главная, но важная. Драматургического материала мало, а хотелось показать себя. И он сделал своего героя похожим представителем «всеобщей безликости, массы бесхитростных до жалости и отвращения существ». И одновременно за счет гротесковых деталей сумел придать ему какую-то свою индивидуальность, индивидуальность наизнанку. Заметим, что «гротескные» персонажи — пожалуй, самый трудный актерский хлеб, когда недостаточно одной лишь «школы», тренинга, физической состоятельности и даже психологического осмысления образа. Будем пока осторожными в оценках, скажем

просто: нужны особое умение и хороший вкус.

На распределении у Землянова был выбор. Он попросил направить его в Амурский драматический театр.

За два сезона сыграно уже немало ролей: опричник в «Иване Грозном» по Алексею Толстому, скomorох в лесковском «Лешее», дон Хуан в спектакле «С любовью не шутят» Кальдерона, Лукас в пьесе Грушаса «Любовь, джаз и черт», баба Яга в сказке «Морозко», арбузовский Терентий в «Жестоких играх». Для хорошего творческого самочувствия нужны интересные роли. Мало утешает мысль, что актера Мольера тоже поздно признали.

Все лето, весь свой отпуск, Землянов репетировал «Жестокие игры», так увлекла его работа с режиссером Георгием Соколовым над ролью Терентия. А сколько душевных и физических сил ушло... на «шутку» по поводу комедии Кальдерона, в которой классик смеется сам над собой и над актерскими штампами игры в испанцев. После каждой репетиции, после каждого спектакля дон Хуан в гримерной стирал с лица «невидимый миру» тройной пот. Баба Яга «пошла нестандартно» только после десятого спектакля, когда Саша «уловил-таки импровизацию». Злозредная оказалась старушка.

Любимые роли Землянова — Лукас и Терентий. Они во многом созвучны друг другу. Только Терочка добрее, а Лукас

— несчастнее. Но при одинаковых условиях формирования характера трудный подросток Терентий мог, наверное, стать и Лукасом. Предаяв девочку по прозвищу Королева, плакать навзрыд от собственного малодушия и подлости. Стоило ему только крикнуть: «Беги, Беатриче, беги» — трагедии бы не случилось. Но мог и Лукас оказаться на месте Терочки в тот момент, когда он предлагает отчаявшейся Нельке выйти за него замуж, удочерить невесту откуда взявшегося ребенка — «не бывает ведь чужих детей». Истрадавшиеся в собственной жестокости трудные подростки и одновременно неприкаянные детские души — так ведет тему Землянов:

Я, как поезд,
что мечется столько уж лет
между городом Да

и городом Нет.

— Даже в «золотом веке» никто не может гарантировать полного взаимопонимания детей и родителей, радости взаимной любви или беспечальной старости. А пока существует эта драма одиночества, «разобщенность близких душ», как быть? Этот вопрос я попытался провести через образы Терентия и Лукаса. Творческая заявка самому себе — сыграть Павла Фарятева в пьесе интересного драматурга Аллы Соколовой «Фантазии Фарятева». «...Стоит только протянуть руку, и другой человек погладит ее, стоит только сказать одну фразу, пусть глупую, и другой человек поймет тебя» — так Павел рассказывает о своих снах. Он самозабвенно верит в то, что когда-то люди научатся понимать друг друга. Этим Павел очень мне дорог.

В кульминационный момент Сашины герои плачут. И именно в кульминационный момент жизни своих героев раскрывается зрителю актер Землянов.

Слезы Лукаса — как прощание с тем, что было в нем доброго и светлого. В чем-то даже «жертвенные» слезы — «объясните мне самого меня». До последней минуты Землянов надеется на чудо: придет кто-то и остановит Лукаса за руку. Слезы Терочки — как очищение от всего ненужного, мелкого, как возвращение к жизни, к доброте, любви, дружбе, как открытие самого себя.

В такие моменты кажется, будто не жил он никогда жизнью Землянова, потому что он — Лукас или Терочка, кто же, как ни Лукас или Терочка, вот и Нелька, Беатриче перед ним настоящие. И зритель, чувствуя, как проживает актер сердцем чужую жизнь, тоже настраивается на эту причастность к чужой жизни, неотторжимость от нее.

Но как бы искренни ни были слезы актера, зритель не будет сопереживать им, если не сможет разделить с актером «повод». Вот поэтому способность жить, думать и действовать от лица своего героя — для Землянова высшая степень перевоплощения. Манера игры, свойственная так называемому «театру мужественной простоты». В самом рисунке роли Землянов скуп на внешние, эффектные актерские приемы. Всплеск чувств, надрыв передает он через внутренний драматизм сдержанно и просто. Актер не изображает чувства, переживания — а чувствует, переживает. Не играет в жизнь — живет. Будто не актер это, а один из нас, сидящих в зрительном зале.

В новом спектакле Джона Голсуорси «Без перчаток» Землянов будет играть роль Незнакомца. Хотелось бы, чтобы для наших читателей актер Амурского театра драмы стал «незнакомцем знакомым». И чтобы на все последующие роли осталось это: «Явись мой Мастер, внутри самого меня».

И. ДЕМЧЕНКО.
Фото В. СОКОЛОВА.